

© 2009 г.

А.М. ХАЗАНОВ

САЛАЗАР: 40 ЛЕТ ДИКТАТУРЫ В ПОРТУГАЛИИ

В истории XX в. мало найдется политических фигур, которые вызывали бы столько споров и жизнь которых была бы окружена такой завесой тайны, как португальский диктатор (с 1928 по 1968 гг.) Антониу де Оливейра Салазар. Как Сталина в России, так и Салазара в Португалии одни превозносят, другие ненавидят. При недавнем опросе общественного мнения в Португалии последний оказался самой популярной исторической фигурой. Объясняется это, по-видимому, нынешними трудностями, с которыми сталкивается большинство португальцев, и вызванной этим ностальгией по "твердой руке" и обеспечиваемому ей "порядку".

Немногие государственные деятели жили так скрытно, как Салазар. Его личная жизнь была по существу государственной тайной, абсолютно непроницаемой для прессы. Диктатор появлялся на публике крайне редко, а речи были настолько туманны, что плохо поддавались переводу на другие языки. Нелюбовь к публичным выступлениям заставляла его ограничиваться одной-двумя речами в год и избегать интервью с иностранными журналистами. Очень мало людей обедали вместе с ним или обращались к нему неофициально, называя его христианским именем. В свою частную жизнь он не допускал никого.

Всякий биограф Салазара сталкивается с массой трудноразрешимых проблем. Главная из них состоит в том, что существует крайне мало источников для проникновения в ум и сердце этого загадочного человека. Салазар терпеть не мог писать письма, предпочитал общаться со своими министрами по телефону или с помощью маленьких записочек. После того как Салазар отошел от государственных дел в сентябре 1968 г., его личный архив был доверен группе специалистов, которые должны были разобрать и классифицировать документы. Но эти личные бумаги Салазара до сих пор недоступны для исследователей, так как в Португалии существует 50-летний срок секретности конфиденциальных государственных документов. Работа биографа Салазара затруднена также тем обстоятельством, что в тоталитарном государстве, каким была Португалия до "революции гвоздик" в апреле 1974 г., отсутствовала свободная пресса и почти не публиковались мемуары государственных и общественных деятелей.

Для большинства людей вне Португалии Салазар всегда был скорее символом, чем человеком. Мало найдется людей, которые смогут узнать его фотографию. Для одних он символ спасения Португалии, человек, восстановивший статус и благосостояние страны. Для других он фашистский диктатор, 40 лет железной рукой правивший страной и проводивший жестокую политику террора и репрессий в метрополии и колониях.

Национализм и вера в бога были двумя главными доминантами личности Салазара, и обе они сослужили ему хорошую службу. Католичество дало ему образование и социальную поддержку. Национализм стал тем козырем, который открыл ему путь к

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член Географического общества Лиссабона, заведующий отделом комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН.

власти. Попробуем всё же ответить на вопрос: кем же был в действительности Антониу де Оливейра Салазар?

* * *

Антониу де Оливейра Салазар родился 28 апреля 1889 г. в маленьком поселке Вимиейру рядом с деревней Санта Комба в провинции Бейра Алта, примерно на полпути между городами Коимбра и Визеу. Тот факт, что Салазар родился через восемь дней после рождения Гитлера, рассматривался позже многими как любопытная связь между двумя государственными деятелями, которых объединяло так много общих идеологических концепций и которые так восхищались друг другом.

В то время, когда родился Салазар, в Вимиейру и Санта Комба проживали всего несколько сотен жителей, там не было ни одного здания выше местной католической церкви. Расположенная в живописном винодельческом районе, где холмы покрыты лесами, долины плодородны, а на горизонте видны горы Сера де Эстрела, Санта Комба до сих пор имеет крайне ограниченные контакты с внешним миром. Жизнь местных крестьян – это постоянная тяжелая борьба за выживание. Многие из них доживают до старости, так и не испытав трепетного волнения при виде моря, хотя побережье находится менее чем в 100 милях от Санта Комба.

Отцом Салазара был Антониу Оливейра, а матерью – Мария ду Резгати Салазар. В соответствии с португальским обычаем их сын должен был быть назван Салазар Оливейра, а не наоборот. Однако родители отошли от традиции, поскольку Салазар – гораздо менее распространенное имя, чем Оливейра, и они решили, что имя Оливейра Салазар будет более благозвучным.

В 1889 г., когда родился Салазар, отцу его было уже 50 (он умер в 1932 г. в 93-летнем возрасте, пережив жену на шесть лет), а матери 43 года¹. Это значит, что родители появились на свет еще в первой половине XIX в., задолго до открытия местной железнодорожной станции, когда ритм жизни в тех краях задавали запряженные быками повозки и конные экипажи. Неудивительно, что родители Салазара придерживались консервативных взглядов и были глубоко религиозными людьми. Антониу Оливейра служил управляющим у постоянно отсутствовавших помещиков. Среди батраков и поденщиков он пользовался репутацией человека, сурового с подчиненными и раболопствовавшего перед хозяевами и был известен под кличкой "ловкач"².

Родители Салазара, имевшие уже четырех дочерей, были очень обрадованы рождением сына. Они строили большие планы в отношении его будущего, решив дать ему религиозное образование. Мария ду Резгати Салазар – женщина умная и с сильным характером – имела большое влияние на сына. Позже, после прихода к власти, он советовался с ней и говорил, что если бы она жила дольше, ему пришлось бы оставить государственную деятельность и вернуться домой, так как родительница "не могла жить без меня"³. Французский биограф Салазара пишет, что его мать "была женщиной очень интеллигентной, активной, предусмотрительной, весьма аскетичной и очень набожной"⁴. Когда появилась железнодорожная станция, Мария открыла кафе для рабочих.

Отношения в семье Салазара были гармоничными и нежными. Грубый с батраками, Антониу Оливейра был в то же время любящим мужем и отцом. По словам его биографа, "Салазар родился в атмосфере доброго феодализма и такой бедности, когда на столе что-то есть, но не очень много. В его юности семейные ценности явно

¹ Kay H. Salazar and Modern Portugal. London, 1970, p. 10.

² Figueiredo A. de. Portugal. Fifty Years of Dictatorship. Harmondsworth, 1975, p. 20.

³ Kay H. Op. cit., p. 10.

⁴ Ploncard d'Assac. Abbreviations. Paris, s.d., p. 12.

превалировали, а католическая церковь прививала понятия креста, искренней молитвы и спасения души"⁵.

Родители Салазара, видя, что их единственный и горячо любимый сын не получил надлежащих знаний в переполненной до предела начальной школе в Санта Комба, отдали его в частную школу, в которой сельский учитель Жозе Рибейру обучал за небольшую плату 30 учеников.

Позже Салазар поступил в Католическую школу в Визеу. В это время он получал финансовую помощь от богатой помещицкой семьи, у которой служил управляющим его отец. Учась в католической школе, Салазар обнаружил рано развившуюся и отчетливо проявившуюся склонность к церковной карьере и в возрасте 11 лет уже поступил в семинарию в Визеу. По словам его официального биографа, Салазар "вырос в тени и учился в одиночестве". По его собственным воспоминаниям, он "жил, полностью поглощенный своими мыслями и работой и был, короче говоря, серьезным и думающим мальчиком"⁶.

Это не покажется удивительным, если принять во внимание, что Салазар делил всё свое время в Визеу между суровой монастырской атмосферой семинарии, редкими визитами в богатую семью своих благодетелей, частыми каникулами, которые он проводил дома. Его матери в то время было уже за 50, а отцу за 60 лет.

Этот необычный разрыв в возрасте родителей и сына, очевидно, наложил определенный отпечаток на Салазара, который навсегда сохранил подозрительность к молодежи и ко всему новому⁷. Если католические убеждения Салазара имели своим источником влияние родителей, культурную традицию и обучение в католической школе и семинарии, то его националистические взгляды имели свои корни в традиционных ценностях, принятых господствующими классами.

Хотя Салазар и жил в монастырской обстановке семинарии, он живо интересовался происходившими в Португалии бурными событиями и не был к ним равнодушен. Борьба за учреждение светской республики и отчаянные попытки спасти монархию с помощью реформ были лишь симптомами общенационального политического и экономического кризиса.

Тяжелое экономическое и политическое положение страны содействовало развитию республиканского движения в начале XX в. С ростом рабочего движения позиции республиканцев еще более упрочились. На парламентских выборах 1900 г. за республиканцев было подано только около 4 тысяч голосов, а в 1906 г. они получили уже более 13 тысяч голосов и провели в парламент четырех депутатов⁸. В 1902 г. происходили вдохновлявшие республиканцами волнения в армии и флоте. В 1906 г. во флоте снова вспыхнуло республиканское восстание. Для борьбы с республиканским движением король Карлуш I (1889–1908) поручил Жуану Франку сформировать кабинет, дав ему диктаторские полномочия. Жуан Франку установил в стране режим террористической диктатуры. В январе 1908 г. оказались распущены муниципальные советы, закрыты все газеты, кроме субсидируемых правительством. Тюрмы были переполнены. Была установлена упрощенная процедура отправки в ссылку без суда и следствия. Реакция республиканцев не заставила себя ждать. Репрессии диктатора вызвали демонстрации протеста на улицах столицы. 1 февраля 1908 г., когда королевская семья возвращалась из Вила Висоза, на одной из центральных площадей Лиссабона Террейру ду Пасу в их экипаж республиканцы бросили бомбу, в результате чего Карлуш I и наследник престола Луиш Филипп были убиты, а принц Мануэл (будущий король Мануэл II) ранен⁹.

⁵ Kay H. Op. cit., p. 10.

⁶ Teixeira L. Perfil de Salazar. Lisboa, 1939, p. 13, 17.

⁷ Figueiredo A. de. Op. cit., p. 23.

⁸ Испания и Португалия. М., 1947, с. 405.

⁹ Historia de Portugal, v. II. Lisboa, 1966, p. 62.

Убийство короля Португалии вызвало во всей Европе волну возмущения и страха. В.И. Ленин в статье "О происшествии с королем португальским" писал: "Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщического, т.е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая Французская революция... Но до сих пор в Португалии удалось только напугать монархию убийством двух монархов, а не уничтожить монархию"¹⁰. В какой степени тогдашние события повлияли на жизнь Салазара, можно судить по принятому им в 1908 г. решению, когда он неожиданно уведомил руководство семинарии, что не намерен рукополагаться в священники. В то время ему было 19 лет, и это его решение казалось настолько удивительным и противоречившим его прежним намерениям, что многие биографы не могут найти для него сколько-нибудь логичное объяснение. Ближе всего к истине, на наш взгляд, те, кто связывает это решение с драматическими событиями 1 февраля 1908 г., когда революционерами-республиканцами были убиты король Карлуш I и наследник престола. На горизонте Португалии явно замаячил призрак секуляристской республики. "Какое будущее ждало священников, оставалось только гадать", – отмечает в этой связи католический писатель и биограф Салазара Хью Кэй¹¹. Кроме того, теологические занятия Салазара завершились, а ему было еще только 19 лет. Он не мог быть рукоположен в священники до канонического возраста в 24 года. Ему перестали выплачивать стипендию, а семья была не в состоянии содержать его неопределенно долгое время.

Во всяком случае, Салазар навсегда сохранил чувство благодарности и к семинарии и к своим учителям, которые многому его научили. Сам он позже писал об этом в свойственном ему сентиментальном стиле: "Бедный человек и сын бедных людей, я в значительной степени обязан этому дому своим образованием, которое я в иных обстоятельствах не смог бы получить. И хотя я, возможно, уже утерял ту веру, которую он бескорыстно прививал мне в течение столь многих лет (с 1900 по 1908 г.), именно ему в числе прочего я обязан своим воспитанием и дисциплиной ума"¹².

Качества, которые привила Салазару его набожная семья, – фанатичная религиозность, послушническая дисциплина, воздержанность, целомудрие, неприятие нового – получили дальнейшее развитие в период его семинарской жизни. Более того, он приобрел в семинарии сверхщепетильную заботу о своем целомудрии и воздержанности, а также стремление скрупулезно соблюдать все мелочные и строгие правила семинарской жизни. Товарищ Салазара по семинарии Мариу де Фигейреду – будущий президент Национальной Ассамблеи – вспоминал, что получал из дома продуктовые посылки, которыми обычно делился с Салазаром. Правила для семинаристов запрещали им входить в комнаты друг друга. Поэтому, спросив сначала разрешение у священника, Салазар обычно застывал в дверях комнаты друга, но никогда не преступал ее порога¹³.

Однако насаждавшийся в семинарии дух слепого и безропотного повиновения, стремление подавить личность не могли не вызвать в душе одаренного и амбициозного юноши реакции протеста. Трудно не согласиться с мнением Хью Кэя о том, что для решения Салазара отказаться от сана священника, "возможно, имел глубокое значение подсознательный страх, что его реальной проблемой было отвращение к жизни в подчинении"¹⁴.

Один из его старейших друзей утверждал, что "если бы Салазар не был католиком, то стал бы анархистом"¹⁵. Салазара никогда не покидала уверенность в своем высо-

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд., т. 12, с. 151.

¹¹ Kay H. Op. cit., p. 23.

¹² Salazar A. de. A Minha com Salazar. Lisboa, 1952, p. 42.

¹³ Garnier Ch. Férias com Salazar. Lisboa, 1952, p. 42.

¹⁴ Kay H. Op. cit., p. 12.

¹⁵ Vida mundial, 31.VII.1970.

ком предназначении. При этом со свойственным ему умением скрывать свои истинные чувства, последний всегда лицемерно уверял, что его интересовала только академическая карьера и что он лишь под давлением обстоятельств вынужденно стал государственным деятелем. Однако из письма, которое было написано Салазаром последнему диктатору периода монархии Жуану Франку и опубликовано после смерти Салазара, вырисовывается иная картина. Предыстория этого письма весьма проста. В 1929 г. вернувшийся из изгнания в Португалию Жуан Франку написал Салазару, поздравив его с успехами на посту министра. В своем ответе Салазар коснулся событий 1906 г., когда еще учился в семинарии и, "как многие думают", полагал, что Португалия – это "дочь девы Марии, матери Христа". По словам Салазара, в 1907 г. Португалия была разбужена Жуаном Франку, "громко протестовавшим против пагубного управления страной". Его правление было поддержано "наиболее здоровой и наименее ангажированной частью нации, имевшей нечто большее, чем Любовь, – веру". Это высказывание не оставляет сомнений в том, что Салазар уже в семинаристские годы питал стремление к авторитарным методам правления.

По-настоящему Салазар принял участие в политической жизни в 1910 г., когда он приехал в Коимбру и поступил в университет на факультет права. В это время страну сотрясали бурные политические события. Коронованному в спешном порядке наследнику престола Мануэлу II в момент вступления на престол было только 19 лет. Не имея политического опыта и не будучи подготовлен к управлению страной, он оказался неспособным сопротивляться растущему революционному натиску¹⁶. При Мануэле II (1908–1910) объявили амнистию участникам республиканского восстания во флоте в 1906 г., отменили изданный Жуаном Франку декрет об увеличении гражданского листа на 1 млн. эскудо и т.д., но никаких сколько-нибудь серьезных шагов к изменению положения в стране не было сделано. За полтора года сменилось семь кабинетов. С октября 1909 г. возобновились республиканские восстания в армии и флоте. В сентябре 1910 г. открылись заседания парламента, выборы в который сопровождался полицейским террором и фальсификациями. Тем не менее в числе депутатов было уже 14 республиканцев. Республиканцы разоблачали преступное обращение двора с государственными финансами, коррупцию и т.п. В тронной речи Мануэл обещал провести радикальные реформы. Вместе с тем заседания палаты депутатов были отложены до 9 декабря. Правительство надеялось выиграть время. Но события нарастали с чрезвычайной быстротой. Через несколько дней, в ночь на 4 октября вспыхнуло восстание, уже в течение двух лет подготовлявшееся республиканцами и поддержанное войсками и флотом. В Лиссабоне начались массовые волнения. Король Мануэл бежал через Гибралтар в Англию¹⁷. 5 октября 1910 г. была провозглашена республика. Она сразу же обнаружила свой антиклерикальный характер. В республиканской прессе писали, что ее цель – "увидеть последнего короля, удушенного кишками последнего священника"¹⁸. Уже 8 октября был издан декрет, ограничивший деятельность иезуитов и других религиозных орденов. 22 октября было запрещено преподавание в школах основ христианства, а 23-го был закрыт факультет теологии в Коимбурском университете.

Когда юный Салазар, крестясь и отбивая поклоны, вступил в Коимбрский университет, эта цитадель традиционализма была охвачена революционной лихорадкой. Студенты с восторгом разбили статуи и изрешетили пулями портреты королей Португалии в священном Зале докторов, срывали и рвали в клочья мантии профессоров теологии. Хотя Салазар никогда не был ярким монархистом, он как бывший семинарист предпочел остаться "вне игры". Его часто видели с книгой в руке прогуливающимся взад и вперед в традиционной коимбурской мантии. Эту мантию с обтрепанными

¹⁶ *Historia de Portugal*, v. II, p. 63.

¹⁷ *Испания и Португалия*, с. 406–407.

¹⁸ *Braganza-Cuhna V. de. Revolutionary (1910–1936)*. London, 1937, p. 147–161.

ми общагами он тщательно берег, но разорвал ее однажды, протестуя против превращения университетской церкви в помещение для музея¹⁹.

Салазар неизменно отвечал отказом на все предложения вступить в монархистскую или какую-нибудь другую партию. Он знал, что его время еще не пришло. Салазар был человеком, который умел ждать. В ожидании своего "звездного часа" он терпеливо и упорно изучал экономику и административное право. Чтобы пополнить свои скудные денежные средства, он давал уроки в колледже, открытом К. Баррейрушем – ярким сторонником английских педагогических принципов. Спустя несколько лет Салазар писал, что "превосходство англосакса, столь ярко продемонстрированное во время европейской войны (1914–1918), объясняется определенными фундаментальными компонентами его воспитания. Португалия нуждается в подобном воспитании, чтобы развить общественный дух... Ее трудности уходят своими корнями не в систему управления, а скорее в необходимость изменить людей. Интеллектуальный тренаж недостаточен. Требуется гармоничное развитие личности в целом"²⁰. Тезис о "необходимости изменения людей" стал его излюбленной темой. Еще когда ему было 20 лет, он произвел подлинный фурор речью, в которой осудил упаднические тенденции в португальской жизни, безрассудство пораженчества, атаковал "отчаявшихся пессимистов" и превозносил благородство патриотизма²¹.

Поступив в Коимбрский университет, Салазар стал секретарем Академического центра христианской демократии (АЦХД). Этот центр был основан в 1901 г. и временно запрещен новым республиканским режимом. В течение нескольких последующих лет АЦХД стал ядром, вокруг которого сплотились португальские интеллектуалы-католики. Любопытно, что из АЦХД впоследствии вышло целое поколение людей, занимавших высшие посты в правительстве, церкви и университетах.

АЦХД издавал свой еженедельный журнал "Импарсиал" ("справедливый"), главным редактором которого был Мануэл Гонсалвиш Сережейра, который позже на протяжении всего правления Салазара был кардиналом-патриархом Лиссабона. Читая издания АЦХД, можно многое узнать о родоначальниках португальского фашизма, которые тоже сформировали сплоченную группу к 1919 г., когда Гитлер основал национал-социалистскую партию, а Муссолини – "Фашиа ди Комбаттименто".

Еще за несколько лет до того, как Гитлер опубликовал "Майн кампф", португальские теоретики монархистско-католического направления тщательно изучали восхищавшие их энциклику папы Льва XIII "Рерум Новарум" и произведения консервативных французских писателей Шарля Морра и Леона Блуа. Социальное учение папы Льва XIII, или так называемая "рабочая хартия", выступало против насильственной революции, но за право рабочих на забастовки и справедливую зарплату. Французские писатели выдвинули концепцию корпоративного средневекового общества как альтернативу "эгалитаризма и индивидуализма Французской революции, механического восприятия промышленной революции и атеизма и интернационализма марксизма". Эти концепции были еще больше адаптированы к португальским условиям консервативным писателем Антониу Сардинья, создавшим доктрину "лузитанского интегризма". В отличие от германских, французских и итальянских фашистских теоретиков, делавших вид, что они озабочены индустриальным развитием своих стран и благосостоянием рабочих, португальский "интегризм" был подчеркнута спиритуалистской, сентиментальной абстракцией, целью которой было не столько создание нового будущего, сколько воскрешение романтизированного прошлого²².

Идеи португальского "интегризма" оказали большое влияние на формирование взглядов Салазара и на его политику, когда он пришел к власти. Введенная им в 1933 г.

¹⁹ *Hugh K.* Op. cit., p. 21.

²⁰ *Salazar A. de.* A Minha Resposta, p. 36.

²¹ *Kay H.* Op. cit., p. 22.

²² *Proenca R.* Acerca do integralismo lusitano. Lisboa, 1964, p. 98.

конституция объявила Португалию "корпоративной республикой, основанной на равенстве граждан перед законом, на свободном доступе всех классов к благам цивилизации и на участии всех конструктивных элементов нации в административной жизни и разработке законов"²³. Красивая политическая риторика была призвана замаскировать фашистскую сущность салазаровского государства.

В период Первой мировой войны Салазар часто писал статьи в журналах и газетах. Но его бесстрастный и скучный стиль больше подходил для исследований в области экономики и финансов, и он стал специализироваться по этой тематике. В частности, он опубликовал статьи "Золотая лихорадка, ее природа и причины (1891–1915)", "Проблема производства пшеницы и некоторые аспекты продовольственного кризиса", и даже исследование о трудовых отношениях под любопытным названием "Мир Христа среди рабочего класса"²⁴.

В мае 1914 г. Салазар произнес речь в Порту, которая наделала много шума. "Демократию, – сказал он, – следует гармонизировать католицизмом. Но для этого нация нуждается в обучении и образовании, а правительственный механизм – в адаптации к условиям времени и места. Демократия стала демагогией, ибо она дала привилегию одному классу за счет другого". Местная пресса отметила безупречный стиль и интеллигентность Салазара и характеризовала его как "одного из наиболее могучих умов нового поколения"²⁵.

Салазар был автором "Обращения к католикам", в котором писал: "Сегодняшней Португалии необходимо создавать для славной завтрашней Португалии сильную, образованную, нравственную, интенсивно работающую и прогрессивную Португалию. Нужно ли нам для этого *сильно* любить страну? Да, любить свою страну нужно всегда. Точно так же, как сильно мы любим свою мать, давайте любить нашу страну, нашу общую великую мать"²⁶.

О том, как Салазар реагировал на преследования католического духовенства республиканским режимом, дают представление мемуары его ближайшего друга на протяжении всей его жизни кардинала Сережейры: «Салазар тогда написал под псевдонимом Алвиш да Силва некоторые из своих лучших статей... А по вечерам мы ходили в церковь Св. Иоанна, чтобы присутствовать на церемониях "Месяца Марии", пряча под плащами дубинки»²⁷. К этому кардинал Сережейра добавляет, что сам имел обыкновение носить ружье. Впрочем, он всегда был более динамичным и активным, чем Салазар. Он однажды признался, что когда они с Салазаром были проездом в Париже по пути в Льеж, где должны были присутствовать на католическом конгрессе рабочей молодежи, Сережейра воспользовался возможностью, чтобы осмотреть Париж, в то время как Салазар почти не выходил из офисов парижских католических организаций. Любопытно, что это была единственная большая заграничная поездка Салазара за всю его жизнь²⁸.

Список студентов – членов АЦХД, опубликованный позже журналом "Ревизта де эштудуш", дает представление о том влиянии, которое эта группа оказала на политическое развитие Португалии. Кроме Салазара и кардинала Сережейры, в нее входили несколько епископов и других высокопоставленных церковных иерархов, Мариу де Фигейреду – позже спикер Национальной Ассамблеи, 10 будущих министров и 12 будущих университетских профессоров²⁹.

Несмотря на активное участие в деятельности центра и журналистскую работу, Салазар много времени уделял учебе в университете. Он прекрасно учился и при оконча-

²³ Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 748.

²⁴ *Figueiredo A. de. Op. cit., p. 29.*

²⁵ *Kay H. Op. cit., p. 24.*

²⁶ *Teixeira L. Op. cit., p. 24.*

²⁷ *Cerejeira M.G. Vinte anos de Coimbra. Lisboa, 1943, p. 221.*

²⁸ *Figueiredo A. de. Op. cit., p. 30.*

²⁹ *Ibidem.*

нии факультета права в 1914 г. набрал 19 баллов из 20 возможных, в 1917 г. он стал ассистентом профессора по экономике, а в 1918 г., уже будучи известен как один из лучших в стране экспертов по финансам и экономике, получил ученую степень доктора.

О личной жизни Салазара известно крайне мало. Хотя его часто характеризовали как эмоционально холодного человека, известно, что он испытывал сильные сыновние чувства к больной матери и даже был готов отказаться от карьеры, чтобы не разлучаться с ней в последние годы ее жизни.

О любовных увлечениях Салазара почти ничего не известно, что дало повод для обвинений его в женоненавистничестве. Согласно некоторым из его биографов, Салазар был увлечен дочерью богатого помещика, управляющим у которого служил его отец, и который оказывал финансовую поддержку Салазару.

По одной версии, мать увидела, как Салазар танцевал с ее дочерью и решила, что дело зашло слишком далеко. По другой версии, Салазар был репетитором девушки и предложил ей, основываясь на личном опыте, написать очерк о любви. Узнав об этом, мать положила конец этому роману. Она считала, что Салазар принадлежал к низшему классу и не имел будущего. Его друзья вспоминали, что видели отвергнутого Салазара плачущим единственный раз за всю его жизнь³⁰.

Бразильский писатель и бывший посол в Лиссабоне Алвару Линс рассказал историю, сообщенную ему ближайшим другом Салазара кардиналом Сережейрой: «Однажды, будучи еще студентом факультета права, Салазар думал о женитьбе. Он подумывал жениться на юной миллионерше из Лиссабона, приехавшей ненадолго в Коимбру. Салазар решил посоветоваться со своим другом Сережейрой. Будущий кардинал сказал ему тогда, что он недостаточно хорошо знает эту девушку, чтобы быть уверенным в ее достоинствах, и добавил, что, поскольку она богата, Салазар не сможет обеспечить ей уровень жизни, к которому она привыкла. Кроме того, он знал, что Салазар слишком горд, чтобы принимать деньги от семьи жены. На это Салазар ответил, что в отношении ее достоинств проблемы нет. "Даже если у нее их нет, я одолжу ей некоторые из моих". И добавил глубокомысленно: "Главное – принять решение, то или другое, и не думать больше об этом". После этого он отправился к миллионерше, которая в тот же день возвращалась в Лиссабон, и сказал ей: "Если в течение месяца ты не получишь от меня письма, значит я решил не жениться".

С тех пор никто никогда не говорил об этой истории – ни он, ни девушка, ни кто-либо еще»³¹.

Хотя Салазар умер неженатым, некоторые факты его биографии свидетельствуют, что он не был одиноким холостяком. Фактически образ жизни, который он для себя избрал, в полной мере соответствовал его эгоистическому характеру и его интеграции в социальную модель, традиционную для католического духовенства с его зачастую мнимой приверженностью целибату. С 1915 по 1928 г. Салазар, как это принято у студентов и преподавателей, возвращающихся к родителям на каникулы, делил кров и харчи со своими двумя близкими друзьями – Мануэлом Гонсалвишем Сережейрой и Мариу де Фигейреду. Услуги, связанные с домашним хозяйством, им оказывала молодая горничная Мария де Жезуз Каэтану. Позже она последовала за Салазаром в Лиссабон и была его экономкой до конца его жизни. Известно, что их отношения были очень близкими. Когда однажды Салазар приехал с посетившей его французской журналисткой в один из своих домов, он сказал: "Теперь мы вступаем в королевство Марии... У нее авторитарный характер, и она не любит, чтобы вокруг нас было много людей. С такой охраной, как Мария, сюда никто не может попасть. Она защищает меня лучше, чем полиция"³².

³⁰ *Figueiredo A. de. Op. cit., p. 31; Kay H. Op. cit., p. 26.*

³¹ *Lins A. Missao em Portugal. Rio de Janeiro, 1960, p. 36.*

³² *Garnier Ch. Férias com Salazar. Lisboa, 1952, p. 66.*

Мария всегда была неременной участницей домашней жизни Салазара и, подобно тому, как экономку приходского священника обычно знает весь приход, она была известна всей Португалии как "дона Мария". Последняя всегда обращалась к Салазару "сеньор доктор" или "сеньор президент", и никто никогда не видел, чтобы она ела за его столом. Мария воспитала двух принятых Салазаром в свой дом девочек, которые были, видимо, ее племянницами. Эта домашняя ситуация очень напоминала ситуацию в домах многих католических священников, которые живут в конкубinate со своими экономками при внешнем соблюдении обета безбрачия. Церковь по практическим причинам закрывает глаза на эту ситуацию, которая получила своего рода негласное признание на протяжении веков. В случае Салазара его двусмысленные отношения с доной Марией, разумеется, породили всевозможные сплетни, и многие полагают, что, поскольку он не был связан обетом celibата, им двигали крестьянский собственнический инстинкт и классовые предрассудки. Парадокс ситуации состоял в том, что отрицание интимной связи в продолжающихся почти 50 лет отношениях между мужчиной и весьма привлекательной женщиной делает эти отношения в глазах общества даже более ненормальными, чем в случае открытого признания такой связи. Нельзя не согласиться с выводом историка Антониу де Фигейреду: «Вся эта ситуация показывает, что Мария, несмотря на ее преданность и поддержку мифа о "доне Марии", была лишь одной из бесчисленных жертв эгоцентрического патриарха португальского общества. Всё это также подтверждает, что Салазар, который заботился о сохранении своей "культурной чистоты" и даже никогда не путешествовал за границей, был и в этом отношении португальцем традиционного типа»³³.

* * *

Вплоть до того момента, когда Салазар стал членом правительства, материальные условия его жизни были достаточно тяжелыми. В 1914 г. он был зачислен в штат Коимбрского университета. Зарплата была скудной, и ему приходилось подрабатывать частными уроками. Салазару предлагали работать по совместительству адвокатом в какой-то фирме, но он отказался, так как это, по его словам, оторвало бы у него время, необходимое для подготовки лекций, которые он начал читать с 1917 г., когда он стал ассистентом профессора на экономическом факультете. С 1915 по 1928 гг. Салазар и его друзья Сарежейра и Фигейреду жили "коммуной", деля кров, еду, расходы и досуг. Время от времени к ним присоединялся будущий профессор математики Диогу Пашеку де Аморин, который впоследствии приобрел международную известность. Он вспоминал, что Салазар был "спокойным компаньоном, часто сидел в углу и любил слушать, как другие спорили, вставляя время от времени здравые замечания. В высшей степени холодный, постоянно сдержанный, любивший оставаться наедине, Салазар, однако, всегда имел друзей и испытывал к ним чувство привязанности"³⁴.

В то же время, по свидетельству Д. П. де Аморина, Салазар отличался чопорностью и снобизмом. Он, например, был до глубины души возмущен "вульгарным" предложением выпустить обращение о сборе денег с читателей в поддержку журнала "Импарсиал". Один приятель, ворвавшийся в его комнату без стука, получил выговор. "Я же мог оказаться раздетым" – сказал ему возмущенный Салазар³⁵.

В конце Первой мировой войны Пашеку де Аморин тяжело заболел. Его приходили навещать все его друзья, за исключением Салазара, который боялся проявлений излишних эмоций. Вместо этого он отправил ему записку: "В ящике моего стола есть немного денег. Они твои. Ты можешь их мне отдать тогда, когда пожелаешь". Последняя фраза, по-видимому, означала: "Ты не умрешь". Это было то редкое проявление

³³ *Figueiredo A. Op. cit., p. 33.*

³⁴ *Цит. по: Kay H. Op. cit., p. 25.*

³⁵ *Ibidem.*

теплоты души в этом холодном эгоистическом человеке, которое, видимо, и объясняет многолетнюю привязанность к нему нескольких близких людей. Салазар, замкнутый по характеру, холодный и скрытный по природе, склонный к меланхолическому настроению, нуждался в друзьях, которым он мог бы открыться и с которыми мог бы интеллектуально общаться.

Вот какую характеристику дает Салазару человек, который, пожалуй, знал его лучше, чем кто-либо другой – друг всей его жизни Сержейра: "Салазар шёл прямой дорогой, игнорируя обходные пути. Он был человеком, созданным для великих, а также и для малых дел. Уже в юности он воспитал в себе сильную волю, высокую интеллигентность и абсолютное хладнокровие. Те из нас, кто хорошо его знали, вспоминают его редкую способность к объективности в споре. Он обладал умением чётко очертить тему с изящной иронией, но презирал красноречие. Теперь, как и тогда, он начинает речь с застенчивого жеста, принимает на себя ответственность, ищет поддержки. Но затем он смело бросается в бой. Я никогда не встречал таких контрастов в одном человеке. Он ценит общество женщин и их красоту, но ведет образ жизни монаха. Скептицизм и щепетильность, гордость и умеренность, недоверие и преданность, обезоруживающая доброта, а иногда неожиданная черствость сердца – всё находится в нем в постоянном конфликте"³⁶.

Салазар не разделял романтических идей и идеалов республиканцев. Душевной травмой, которую он не смог забыть до конца жизни, явились для него преследования духовенства и простых католиков в первые дни республики. Реакцией на эти преследования стала возникшая у него навязчивая идея "порядка и законности", беспощадного подавления того, что он называл "властью толпы", "властью улицы" или "разрушительными действиями масс". Салазар ненавидел "романтических либералов". Для него "настоящая свобода может существовать только в душе человека... Может быть лишь абсолютная власть, но не может быть абсолютной свободы. Порядок всегда был подлинным условием красоты"³⁷. Именно такой человек с непоколебимыми авторитарными взглядами, не приемлющий либеральные и демократические идеи, способный железной рукой навести в стране "порядок", нужен был португальской буржуазии в конце 20-х годов.

Португалия после Первой мировой войны оказалась в полосе острейшего кризиса, отмеченного стачками, восстаниями и частыми сменами правительств, бессильных ликвидировать экономическую разруху в стране и упорядочить её финансы. Анархо-синдикалистская всеобщая конфедерация труда была неспособна создать крепкую организацию рабочего класса. Коммунистическая партия возникла только в 1921 г. И её влияние на рабочий класс было невелико. Число её членов не превышало тогда 2 тыс. чел.³⁸

В годы республики были завоёван ряд демократических свобод – свобода печати, право на ассоциации, право на забастовки, право на развод, секуляризация образования и т.д., но в то же время страна оказалась втянутой в тяжелый экономический и финансовый кризис. Резко увеличился национальный долг (в особенности в отношении Великобритании), рост цен, нехватка товаров, безработица привели к многочисленным протестам и манифестациям³⁹. Рабочий класс, требовавший теперь прав, которых столь долго его лишали, оказался первой и главной жертвой экономического кризиса. Хотя с 1914 по 1922 г. средняя зарплата увеличилась в 7 раз, цены на наиболее важные продукты возросли в среднем в 12 раз⁴⁰. Происходила непрерывная девальвация эскудо, и правительство потеряло всякую надежду остановить эту спираль. Многие министры финансов пытались сбалансировать бюджет. В то время это была

³⁶ *Cerejeira M.G.* Op. cit., p. 210.

³⁷ *Salazar Says.* Secretariado de Propaganda Nacional. Lisboa, S. d., p. 31.

³⁸ *Куньял А.* Страницы борьбы. М., 1977, с. 18.

³⁹ Там же, с. 17.

⁴⁰ *Pacheco J.P.* As lutas operarias contra a carestia. Textos de apoio. – Porto, № 2, 1977, p. 178–179.

как бы навязчивая идея, однако ежегодно бюджетный дефицит составлял 5 млн. ф. ст. Это означало, что через несколько лет бюджетный дефицит грозил превысить размер бюджета. Сменилось 44 республиканских правительства, и в народе стали говорить, что пытаться сбалансировать национальный бюджет – то же самое, что "пытаться выпрямить тень ветвистого дерева". Даже в правительственных кругах признавали, что "страна больна" и что необходимо сделать свободу и демократию "жертвенным ягненок". К 1923 г. финансовый кризис достиг пика. Расходы военного времени еще не были оплачены. Дело в том, что расходы экспедиционных войск Португалии во Франции, в Мозамбике и Анголе, действовавших против немцев, были оплачены Англией. Долг Португалии Лондону составил 80 млн. ф. ст. Учитывая девальвацию эскудо после войны, долг к 1924 г. составил 8 млрд. эскудо. Новый заём был предоставлен на этот раз под 13% годовых. В социальном плане ситуацию в стране можно было охарактеризовать португальской поговоркой: "Когда в доме нет хлеба, все ссорятся, и никто не прав".

В 1925 г. президентом был избран Бернардину Машаду. Но ему было 70 лет, и он был слишком стар и слаб, чтобы справиться с ситуацией. В мае 1926 г. власть захватил генерал Гомиш де Кошта, опиравшийся на реакционное офицерство и помещичьи слои и пользовавшийся поддержкой со стороны Испании и Италии (в обеих этих странах к этому времени была военная диктатура). Генерал ликвидировал демократическое правительство, разогнал парламент. Гомиш де Кошта взял себе посты военного министра и министра заморских территорий, премьер-министром сделал Мендиша Кабесадаша, а на пост министра финансов решил пригласить молодого и многообещающего экономиста из Коимбры А. Салазара. Несколько офицеров были отправлены к нему в Санта Комба, чтобы уговорить принять это предложение. В это время Салазар находился с больной матерью, здоровье которой быстро ухудшалось. Ей оставалось жить только несколько месяцев – в ноябре 1926 г. она умерла. Офицеры тем не менее настаивали, чтобы Салазар немедленно отправился в Лиссабон и принял портфель министра. Сомнения Салазара разрешила его больная мать. "Не беспокойся обо мне, сынок, – сказала она. – Раз они приехали за тобой, значит ты им нужен. Соглашайся. Интересы страны выше наших интересов. В остальном положишься на Бога"⁴¹.

На следующий день Салазар прибыл в Лиссабон. Корреспонденты на вокзале увидели высокого худощавого человека с большими ушами, густыми волосами, в тёмном костюме и с часами в нагрудном кармане жилета. Он отказался отвечать на их вопросы. Встретившись с членами правительства, он выдвинул несколько условий для занятия поста министра: полный контроль над всеми расходами, жёсткое сокращение государственных расходов, участие во всех решениях, касающихся финансовых проблем. Правительство отказалось принять эти условия. Тогда Салазар спросил, когда отправляется следующий поезд в Коимбру. Через два часа он уже ехал в этом поезде.

7 июля 1926 г. Гомиш де Кошта был свергнут, и власть захватил другой реакционный генерал – Кармона, связанный с национальным банковским капиталом. Он был другом испанского диктатора Примо де Риверы.

Салазар хорошо понимал, что рано или поздно его вновь позовут в правительство. 28 марта 1927 г. Салазар выступил со своей знаменитой речью о "двух экономиках". В ней он, в частности, утверждал, что существуют две экономики: сторонники одной считают успех главной целью человеческой деятельности, а сторонники другой учат презирать богатство и отождествляют нищету с добродетелью. По мнению Салазара, обе эти позиции ошибочны. Не производство портило людей, а ошибки и отсутствие баланса в потреблении. Решение проблемы – это создание богатства путем упорной работы, регулирование потребления нормами человеческой морали, физическое и интеллектуальное развитие и сбережения.

---

⁴¹ Kay H. Op. cit., p. 38–39.

Этими рассуждениями об экономности, бережливости, самоконтроле и упорной работе Салазар заложил основы своей будущей политики мобилизации всех ресурсов страны на достижение поставленных им задач. Он призвал сосредоточить усилия страны на строительстве дорог, открытии новых рабочих мест и на ликвидации бюджетного дефицита.

25 марта 1928 г. новым президентом республики был утвержден Кармона. Правительство вспомнило о Салазаре. Он произвёл сильное впечатление на министров, когда встретился с ними в 1926 г., и хотя в то время его условия показались неприемлемыми, после зрелого размышления они пришли к выводу, что необходимо снова пригласить его в правительство. Этому решению способствовало и то, что статьи Салазара к этому времени были у всех на устах.

В Коимбру приехал Дуарти Пашеку, тогдашний министр общественных работ. Салазар попросил одну ночь на раздумья, которую провёл в молитвах и размышлениях. Позже он рассказал французской журналистке: "Я колебался всю ночь. Я не знал, следует ли принять сделанное мне предложение. Меня ужасно удручала мысль о том, что надо будет покинуть университет. Я хорошо знал дистанцию между человеком науки и человеком практики. И потом я боялся... естественно, я боялся. Я учитывал возможность провала. Представляете себе, если бы я потерпел фиаско в наведении порядка в финансах, что подумали бы обо мне мои студенты?"⁴²

В конце концов Салазар решил принять предложение. Он прибыл в Лиссабон 27 апреля 1928 г. Как раз накануне своего тридцатидевятилетия и начал работать в правительстве. На этот раз он выдвинул следующие условия: 1. Все министерства и ведомства должны ограничивать свои расходы теми ассигнованиями, которые выделяются им министерством финансов; 2. Любая мера правительства, касающаяся государственных доходов и расходов, должна предварительно обсуждаться и согласовываться с министерством финансов.

Фактически это означало, что Салазар получил диктаторские права, в том числе отдавать приказы каждому департаменту, сколько денег и на что он может потратить. Он демонстрировал пример умеренности и бережливости во всём, одеваясь в более чем скромную одежду, работая при свечах и используя перьевую ручку, хотя уже существовали авторучки⁴³.

Жесткие меры Салазара, направленные на резкое сокращение государственных расходов, принесли свои плоды. За один год он не только ликвидировал бюджетный дефицит в 3 млн. ф. ст., но и добился превышения доходов над расходами в 16 тыс. ф. ст.⁴⁴ За 11 лет, предшествующих его назначению министром финансов, бюджетный дефицит составил 2 574 000 conto. С 1928 по 1939 гг. он сумел добиться превышения доходов над расходами на общую сумму в 1 963 000 conto, или 20 млн. ф. ст.⁴⁵ Эти деньги были израсходованы на перевооружение армии, общественные работы, социальную помощь, коммуникации, порты, строительство ГЭС и образование. Среди его приоритетов одно из первых мест занимала армия. В 1928/29 финансовом году расходы на оборону составили 23,42% бюджета (а в Англии только 10,63%)⁴⁶. Будучи врагом демократических и парламентских институтов, Салазар уже в то время вынашивал планы захвата высшей власти в стране без каких бы то ни было выборов. А для этого ему требовалась поддержка армии и репрессивного аппарата. Его техника состояла в том, чтобы "сделать счастливой архаическую и обнищавшую военную касту"⁴⁷ и, опираясь на взаимопонимание с ней, взять в свои руки и удержать власть. Эти мечты Салазара

⁴² *Garnier Ch.* Op. cit., p. 52.

⁴³ *Figueiredo A.* Op. cit., p. 62.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 63.

⁴⁵ *Kay H.* Op. cit., p. 44.

⁴⁶ *Figueiredo A.* Op. cit., p. 63.

⁴⁷ *Cunha L.* As Minhas Memorias. Lisboa, 1966, p. 187.

становились всё более реальными по мере того, как росло общественное доверие к нему. Этому способствовало совершённое им "финансовое и экономическое чудо". В то время как за 17 лет до 1927 г. внешний долг Португалии вырос с 692 тыс. до 7449 тыс. conto, в результате политики Салазара к 1934 г. он практически исчез. Резко увеличились золотые и валютные запасы. Утекшие за границу капиталы начали возвращаться. Уменьшилась нужда в иностранных займах, а, следовательно, и нужда в иностранной валюте, чтобы оплачивать долги. Салазар коренным образом реорганизовал налоговую и банковскую системы. Когда в стране были накоплены значительные запасы золота, Португалия вновь вернулась в 1931 г. к золотому стандарту и с 1939 г. курс обмена стабилизировался на отметке 110 эскудо за 1 ф. ст.

В 1929 г. была начата кампания за увеличение производства пшеницы. Импорт пшеницы в одном только 1929 г. обошелся стране в 3,5 млн. ф. ст. Через несколько лет Португалия стала сама себя обеспечивать пшеницей. Были учреждены специальные комиссии, которые должны были следить за выращиванием фруктов, риса, за экспортом сардин и т.п. Достижение стабильности в области финансов позволило Салазару объявить в 1936 г. 15-летний план экономического развития на общую сумму в 60 млн. ф. ст. Львиную долю расходов в этом плане составляли ассигнования на оборону. Генерал У. Делгадо, лидер оппозиции в 50-е годы, писал в мемуарах, что финансовые меры Салазара вначале были верными, но, будучи продолжены и применены "к каждому аспекту жизни нации, обнаружившему какую-либо нестабильность, стали просто-напросто тормозом для национальной экономики. Нужды бедных игнорировались. Конечным продуктом стало богатое и стабильное государство, основанное на нищих, умирающих от голода массах"⁴⁸.

Популярность Салазара побудила президента Кармона назначить в 1932 г. Салазара премьер-министром. С этого времени Салазар стал неограниченным диктатором, а Кармона отошел в тень и превратился во второстепенную фигуру, хотя и занимал вплоть до своей смерти в 1951 г. номинальный пост президента. По его собственному признанию, он был лишь "пленником в золотой клетке"⁴⁹.

В результате деятельности Салазара в стране, находившейся на грани банкротства, кардинально улучшилась финансовая ситуация. Салазар разработал и стал проводить в жизнь программу общественных работ. Большую роль в ее осуществлении сыграл министр общественных работ инженер Дуарти Пашеку. Обновилась и расширилась сеть шоссежных дорог, строились портовые сооружения и плотины, появились новые школы и больницы, а также промышленные предприятия, реставрировались национальные исторические памятники⁵⁰, возводились новые монументы – в 1960 г. был сооружен на берегу Тежу в Торре де Белен памятник первооткрывателям в виде огромной каменной каравеллы, словно плывущей по волнам⁵¹.

В 1940 г. правительство подписало с Ватиканом конкордат. Католическая религия была объявлена государственной, на гражданский брак и развод налагался запрет. Католическая церковь получила огромные права, дававшие ей возможность вмешиваться в общественную и личную жизнь граждан. Школа оказалась под контролем церкви, которая приобрела решающее значение во всех сферах идеологической и культурной жизни метрополии и колоний. Одним из наиболее важных пунктов конкордата было признание католической церкви юридическим лицом. Церковь получила право свободно создавать религиозные ассоциации по нормам католического права, причем государство обязывалось признавать их в качестве юридических лиц⁵². Получивший воспитание в иезуитской школе, Салазар душой и телом был предан "святому престо-

⁴⁸ Memoirs of General Delgado. London, 1964, p. 72.

⁴⁹ Figueiredo A. Op. cit., p. 64.

⁵⁰ Historia de Portugal. Lisboa, 1966, p. 68.

⁵¹ Хазанов А.М. Восток глазам востоковеда. М., 2000, с. 106.

⁵² Andres S.D. El Portugal de Oliveira Salazar. Madrid, 1957, p. 138.

лу" в Риме. Его преданность католической церкви оказывалась столь велика, что даже во внешней политике он действовал в тесном контакте с дипломатами Ватикана, с которыми постоянно консультировался. У соотечественников Салазар заслужил прозвище "иезуит". О нем говорили как о человеке, связанном с церковью тайной клятвой абсолютного повиновения⁵³. Недаром в 1942 г. папа Пий XII сказал, что "Господь даровал португальской нации образцового главу правительства"⁵⁴.

В 1952 г. Салазар приступил к осуществлению плана народного образования. В результате его реализации были созданы необходимые условия для полной ликвидации безграмотности в Португалии. Еще в сентябре 1936 г. Салазар создал полувоенную молодежную организацию Португальский легион (ПЛ) по образцу "Гитлерюгенда". Во главе ее он поставил офицеров, которые подчинялись напрямую правительству⁵⁵.

Что касается международных дел, то Салазар вмешался в гражданскую войну в Испании 1936–1939 гг., поддержав мятежников во главе с Франко. За всё время своего правления он лишь один раз покинул Португалию – чтобы встретиться с Франко, с которым он поддерживал хорошие отношения даже тогда, когда Испанию исключили из ООН⁵⁶.

В отличие от Муссолини или Гитлера, которые имели поддержку организованных партий или возглавленных ими движений, Салазар, ставший диктатором в силу стечения обстоятельств, должен был уже после этого создавать собственное движение и адаптировать германские и итальянские доктрины и методы к условиям Португалии. 30 июля 1930 г. в присутствии всех министров кабинета Салазар зачитал Манифест Национального Союза, который стал единственной в стране легальной политической организацией. Кроме того Салазар учредил скопированные с корпоративных органов Муссолини в Италии "корпорации" – профобъединения, в которые входили лица определённой профессии, независимо от их общественного и имущественного положения. Корпоративная система должна была, по мысли Салазара, стать практическим воплощением "союза труда и капитала". По словам португальского социолога Арман-ду Каштру, "эти органы были лучшей гарантией монополии крупных португальских и иностранных компаний"⁵⁷.

С приходом к власти Салазара португальская буржуазия полностью покончила с игрой в либерализм. Португалия превратилась в фашистское государство.

Конституция Португальской Республики (вступила в силу 11 апреля 1933 г.) объявила Португалию "корпоративной республикой, основанной на равенстве граждан перед законом, на свободном доступе всех классов к благам цивилизации и на участии всех конструктивных элементов нации в административной жизни и в разработке законов"⁵⁸. Однако было бы верхом наивности принять за чистую монету красивую политическую риторику салазаровской конституции. Характерная черта салазаровского режима заключалась в том, что он стремился замаскировать свою истинную сущность всевозможными юридическими прикрытиями, демагогическими маскировочными приемами. Это был, если так можно выразиться, фашизм театрализованный. Под густым театральным гримом скрывалось его подлинное лицо.

Действительность салазаровской Португалии была очень далека от тех иллюзорных представлений, которые конституционный камуфляж и фашистская пропаганда сумели создать за рубежом. «Напомним, – писал генеральный секретарь ЦК Португальской Компартии Алваро Куньял, – что еще в 1933 г. фашистское правительство, подавив упорное сопротивление рабочих, распустило профсоюзы. Созданные Салаза-

⁵³ *Cunha T.B. Goa's Freedom Struggle. Bombay, 1961, p. 474.*

⁵⁴ *Camoes Center Quarterly, v. 6/7, № 1–2. Lisbon, 1997, p. 47.*

⁵⁵ *Ibid., p. 46.*

⁵⁶ *Historia de Portugal, p. 68.*

⁵⁷ *Castro A. O sistema colonial portugues em Africa (Meados do seculo XX). Lisboa, 1978, p. 90.*

⁵⁸ Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 748.

ром на их месте по модели Муссолини корпоративные национальные профсоюзы рекламировались как пример "классового мира". Декретом правительства вступление в эти организации стало обязательным... Правительство использовало все средства, чтобы задушить сопротивление, нараставшее в фашистских профсоюзах: оно закрывало помещения, увольняло, арестовывало и предавало суду наиболее видных руководителей»⁵⁹.

На вторую половину 30-х – начало 40-х годов XX в. приходится апогей репрессий против антифашистов. Для миллионов португальцев символом салазаровского режима стал лагерь смерти Таррафал на островах Кабо-Верде. Широкое распространение получили пытки заключенных.

Непосредственно Салазар нес ответственность за смерть сотен людей, погибших в Таррафале от желтой лихорадки, замученных в тюрьмах, просто убитых без суда и следствия агентами тайной полиции (ПИДЕ)⁶⁰.

Доход на душу населения в Португалии в начале 60-х годов был самым низким в Европе. Он составлял 250 долл. в год, т.е. был меньше, чем в Испании и Греции. Потребление мяса на душу населения в Португалии составляло 20 кг против 50, 60, 70 кг и более в большинстве стран Европы; молока и молочных продуктов – 2 кг в год против 8–20 кг в других странах⁶¹. Описывая положение в Португалии, корреспондент одной из американских газет Г. Комленц сообщал в 1961 г.: "У подданных премьер-министра Салазара самый низкий жизненный уровень по сравнению с населением любой другой союзной страны в западной Европе"⁶². Даже по признанию португальского журнала, ВВП на душу населения в Португалии (10 конто) был в среднем в 5 раз меньше, чем в Бельгии, Дании и Франции (соответственно 47, 55 и 52 конто)⁶³. Генерал Делгадо приводит в мемуарах любопытный анализ реальной заработной платы португальского рабочего: "Чтобы купить один килограмм мяса, этот рабочий должен трудиться шесть-семь часов, в то время как английский – полтора часа. Англичанин должен работать только четверть часа, чтобы купить литр молока, а португальский рабочий – в четыре раза больше... На заработную плату, которая с 1938 по 1958 гг. уменьшилась почти на одну треть, можно купить только голод. Коль скоро нет хлеба, единственными возможными удовольствиями являются салазаровские эквиваленты римского цирка – футбол, фадо и Фатима"⁶⁴. "Пройдите вдоль и поперек всю Португалию, и вы убедитесь, что это страна нищих, молящих о хлебе, работе и защите", – пишет мемуарист. В особенно бедственном положении находилась наиболее многочисленная часть населения страны – крестьянство. "Достаточно взглянуть на сельских жителей, чтобы увидеть, как скоро они делаются похожими на мешки с костями; женщины от 40 до 50 лет стареют с необыкновенной быстротой, а мужчины становятся сгорбленными и кривоногими, причем как мужчины, так и женщины, быстро теряют все зубы"⁶⁵. В Португалии один врач приходился на 1400 жителей, по 58 человек из 1000 умирали от туберкулеза; смертность от коклюша была в 4 раза выше, чем в Англии, а соотношение детской смертности от кори в этих странах равнялось 1 : 9. 50% португальских матерей рожают детей без медицинской помощи. Детская смертность при рождении составляет 88 на 1000. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни составляла 49 лет против 71 в Швеции, 69 в Голландии, 68 в Англии. В начале 1960-х годов только 9% бюджетных расходов тратилось на образование, 4% – на соци-

⁵⁹ Куньял А. Страницы борьбы. Из истории ПКП и антифашистской борьбы в Португалии. М., 1977, с. 59–60.

⁶⁰ Капранов Р. М. Португалия после Второй мировой войны. 1945–1974. М., 1992, с. 46.

⁶¹ Коломиец Г. Н. Очерки новейшей истории Португалии. М., 1965, с. 129.

⁶² The New York Herald Tribune, 22.II.1961.

⁶³ Revista militar, 1966, № 11–12, p. 573.

⁶⁴ The Memoirs of General Delgado. London, 1964, p. 72. Фадо – португальская национальная песня меланхолического характера; Фатима – город, где, как уверяют, в 1917 г. появлялась пресвятая Дева Мария.

⁶⁵ Ibid., p. 69, 71.

альное обеспечение, в то время как 32% – на вооруженные силы⁶⁶. В одном только 1963 г. португальское правительство израсходовало на полицию 2 млн. долл.⁶⁷

В 1960-х годах массовый характер приобрела эмиграция португальцев во Францию, Голландию, Англию, Бразилию, Венесуэлу, Канаду. "От чего они бегут? – писал в связи с этим французский журналист К. Межан. – От нищеты, от забот. И еще от казармы... Никогда из португальской армии не дезертировало так много людей, как сейчас, и по вполне понятным причинам. Из-за войн в Анголе, Гвинее и Мозамбике правительство ввело такой распорядок в армии, что ни один юноша, надевший военную форму, не может избежать рано или поздно отправки за море"⁶⁸.

В стране нарастало всеобщее недовольство политикой Салазара, которая поставила Португалию на грань политической и экономической катастрофы. Тяжелое положение народных масс явилось главной причиной подъема антиправительственного движения, которое обрело зрелость и охватило самые различные социальные слои – от рабочих до либеральной буржуазии.

В 1958 г. Салазар столкнулся с неожиданной и неприятной проблемой. Представитель Португалии в НАТО генерал Умберту Делгадо выставил свою кандидатуру на президентских выборах против официального салазаровского кандидата адмирала Томаша. Эта новость произвела впечатление разорвавшейся бомбы. "Нам надоело, что с нами обращаются как со стадом овец" – таков был предвыборный лозунг Делгадо⁶⁹. В Лиссабоне и Порту Делгадо встречали грандиозные демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч людей. В ходе избирательной кампании перед президентскими выборами 1958 г. было достигнуто единство действий антифашистской оппозиции, объединившейся вокруг кандидатуры генерала Делгадо, который выступил с программой демократизации страны: отставка Салазара, проведение свободных выборов в течение одного года, освобождение политзаключенных. В прошлом один из сподвижников Салазара, теперь Делгадо порвал с диктатором и возглавил антисалазаровскую оппозицию. Несмотря на царившую в стране обстановку террора, он нашел в себе достаточно смелости, чтобы во всеуслышание заявить, что в случае своей победы на выборах он сместит диктатора Салазара с поста премьер-министра. Выборы представляли собой инсценировку, полностью исключавшую победу кого-либо, кроме Томаша – кандидата салазаровского Национального союза. "Мы проиграли выборы задолго до дня голосования, – вспоминал впоследствии Делгадо. – Во-первых, поскольку выборы проводятся в условиях, когда оппозиционная партия запрещена, они представляют собой не что иное, как мошенничество... Невозможно организовать политический фронт за тридцать дней полусвободы, которая великодушно даруется раз в семь лет. Избирательные списки беззастенчиво фальсифицируются. Из них вычеркивается большое число избирателей, подозреваемых в антисалазаровских настроениях"⁷⁰. Однако в условиях фашистской диктатуры смелое выступление генерала Делгадо против Салазара (который формально занимал пост премьер-министра) было обречено на провал. Было объявлено, что Делгадо собрал 23,5% голосов, и что победил на выборах адмирал Томаш. В большинстве своем португальские антифашисты не сомневались, что опубликованные результаты были сфальсифицированы. Фашистское правительство потерпело самое большое моральное поражение в своей истории. Сам Салазар в разговорах с ближайшим окружением уверял, что "если бы кампания Делгадо продолжалась еще один-два месяца, он бы победил на выборах", и повторял в ответ на возражения: "Победил бы, победил, говорю я вам"⁷¹.

⁶⁶ Ibid., p. 74–75, 77.

⁶⁷ Cuadernos. Paris, 1964, Julio, p. 4.

⁶⁸ Известия, 6.X.1965.

⁶⁹ Insight on Portugal. The Year of the Captains. London, 1975. p. 19.

⁷⁰ The Memoirs of General Delgado, p. 92.

⁷¹ Капланов П.М. Указ. соч., с. 108–109.

Разыграв фарс с выборами, 8 июня 1958 г., Салазар попытался затем арестовать ставшего для него опасным лидера оппозиции, но Делгадо удалось скрыться в бразильском посольстве, а затем эмигрировать в Бразилию. В 1968 г., когда он попытался нелегально вернуться в Португалию, его убили агенты ПИДЕ.

Во время Второй мировой войны Португалия сохраняла нейтралитет. Из всех португальских владений Вторая мировая война непосредственно коснулась только Тимора, атакованного и оккупированного сначала австралийцами и голландцами, а потом японцами⁷². В 1949 г. она вступила в НАТО, а в 1951 г. передала в распоряжение США военные базы на Азорских островах.

Вскоре Салазар провел избирательную реформу, лишившую португальский народ права на непосредственное, хотя и формальное участие в выборах президента, которые теперь осуществлялись специальной коллегией, состоявшей из преданных Салазару лиц.

В 1951 г. Салазар предпринял хитроумную конституционную реформу, заменив в конституции и в других официальных документах вышедшее из моды слово "колонии" более деликатным – "заморские провинции". В одной из речей Салазар заявил: "Наши заморские территории (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау и др. – А.Х.) – заморские провинции унитарного государства. Их управление подлежит исключительной юрисдикции Португалии. Они – творения Португалии и не существуют без Португалии. Португалия принесла им христианский гуманизм и проводила цивилизаторскую миссию"⁷³.

Салазар не хотел и не мог отказаться от идеи самодостаточного замкнутого национального государства, восполняющего собственную экономическую и культурную отсталость за счет обширных колониальных владений. При этом гарантией единства империи должна была служить жесткая авторитарная структура власти, на практике сводившаяся к единодержавию самого Салазара⁷⁴.

Однако в начале 60-х годов португальская колониальная империя начала разваливаться. Когда премьер-министр Индии Дж. Неру предложил Салазару начать переговоры о деколонизации Гоа, Диу и Дамана, Салазар ответил категорическим отказом, заявив: "Как мы можем уступить или продать Португальскую Индию, земли Албукерки – плоды наших великих достижений на Востоке, христианские святые и наших мучеников?". Когда 18 декабря 1961 г. индийская армия вторглась в Гоа, Салазар телеграфировал командующему португальскими войсками в Индии генералу В. Силве: "Я отвергаю перемирие и не желаю, чтобы хоть один португалец попал в плен. Ни один корабль не должен сдаться. Наши солдаты и моряки должны сражаться или погибнуть"⁷⁵. Однако сопротивление ввиду его бесполезности оказано не было, и Гоа пал.

Потеря Гоа стала страшным потрясением для Салазара. Он не хотел признавать поражение и считал Гоа "территорией, временно оккупированной Индией". До 1974 г. представитель провинции Гоа заседал в Национальной Ассамблее. Салазар был шокирован тем, что ни одна страна, даже Англия, не оказала ему помощи в борьбе против Индии. Салазар отдал Силву под трибунал за поражение в Гоа⁷⁶. Фиаско в Гоа болезненно восприняли в португальской армии. "Помните о Гоа", – с горечью напоминали друг другу португальские офицеры.

Режим Салазара переживал трудные дни. Судьба обрушивала на голову португальского диктатора один удар за другим: потеря Гоа, захват в 1961 г. португальского лайнера "Санта-Мария" оппозиционером Э. Галвао; восстание антифашистов в городе Бежа в 1962 г. – таковы были симптомы начавшейся агонии режима.

---

⁷² Historia de Portugal, p. 68.

⁷³ Wohlgenuth P. The Portuguese Territories and the United Nations. New York, 1963, p. 3.

⁷⁴ Капланов Р.М. Указ. соч., с. 186.

⁷⁵ Insight on Portugal. London, 1975, p. 14.

⁷⁶ Ibid., p. 15.

Наконец, взрыв оглушительной силы потряс португальскую колониальную империю в Африке – она стала ареной военных действий между африканскими патриотами и войсками колонизаторов. В результате более чем десятилетней вооруженной борьбы народы Гвинеи-Бисау (1973), Кабо-Верде (1973), Сан-Томе и Принсипи, Анголы (1975), Мозамбика (1975) добились независимости и португальская колониальная империя прекратила свое существование⁷⁷.

Однако Салазар до этого не дожил. В начале сентября 1968 г. он тяжело заболел: кровоизлияние в мозг полностью лишило его работоспособности. Хирургические операции на время сохранили ему жизнь, однако о возврате к политической деятельности не могло быть и речи. Преемником больного диктатора стал М. Каэтану, который в отличие от закоренелого холостяка и мизантропа Салазара имел много детей и внуков, был более доступен, охотно путешествовал, посещал африканские колонии (куда Салазар так и не собрался)⁷⁸. Он продолжал политический курс своего предшественника, заявив, что в Африке Португалия не имеет другого выбора, кроме войны против местных националистов. В апреле 1969 г. Каэтану совершил вояж по португальским колониям в Африке. Однако не этот визит, ни так называемая "конституционная реформа Каэтану" не могли спасти агонизировавший диктаторский режим. 25 апреля 1974 г. в Португалии произошла "революция гвоздик", и к власти пришли революционно настроенные офицеры, возглавившие "Движение Вооруженных Сил"⁷⁹. Впоследствии власть перешла в руки гражданских властей, страна вступила на путь демократического развития. Однако преодолеть наследие прошлого оказалось не так-то легко, и до сих пор Португалия остается, пожалуй, самой слаборазвитой из стран Западной Европы.

...Проведя более 40 лет в бурных водах португальской политики, загадочный диктатор Салазар умер в 1970 г.

Биография Салазара является еще одним подтверждением известной истины: преступные режимы создаются чаще всего фанатиками, которые убеждены, что изобрели дорогу в рай. Но на этой дороге в "рай" гибнут миллионы людей.

---

⁷⁷ Подробнее см. *Хазанов А.М.* Крушение последней колониальной империи. М., 1986.

⁷⁸ *Капланов Р.М.* Указ. соч., с. 143–146.

⁷⁹ См.: *Суханов В.И.* "Революция гвоздик" в Португалии. – Новая и новейшая история, 1975, № 4–5.